

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Ю. Буртин. Чистый голос.— Алла Марченко. У жизни женское лицо.— Константин Кедров. Ларец Кошечя.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Алла Боссарт. Норма и аномалия школы.— Виктор Леглер. На путях к пониманию.— Н. Н. Покровский. Труд и обычай.— В. Бахур. И познать, и сотворить.

Литература и искусство

ЧИСТЫЙ ГОЛОС

Александр Яшин. Собрание сочинений в трех томах. М. «Художественная литература». Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1984. 639 стр.; т. 2. Повести. Рассказы. 1985. 671 стр.; т. 3. Статьи, очерки. Дневники, письма. 1986. 415 стр.

Со смерти Александра Яшина прошло уже почти двадцать лет — и вот первое, трехтомное собрание его сочинений. Чудны дела твои, Госкомиздат! К одним независимо от степени дарования (а порой и при полном отсутствии такового, с успехом заменяемого должностью) ты царски щедр, к другим, невзирая на признанный талант, скуп до крайности. О начальственным «самиздате», своего рода стержневой струе в расширенном воспроизводстве литературной серости, уже немало говорилось и писалось в последние месяцы, каков-то будет результат? Что касается Александра Яшина, то он принадлежал к другой категории писателей. К тем, которые пишут правду, не прикидывая, соответствует ли она сиюминутным видам начальства, а потому им не обласканы, а, напротив, вызывают на свою голову громы и молнии (с Яшиным это случалось дважды — после «Рычагов» и после «Вологодской свадьбы»), надолго выпадают из издательских планов, и не только собрания сочинений, но порой и малогабаритного «Избранного» не удается им при жизни подержать в руках. Зато когда эти писатели уходят, образуется пустота, становится ясно, как много значили они не только для самой литературы, но и для нравственного состояния общества. В 50—60-е годы у нас была целая плея-

да таких писателей тогдашнего среднего поколения, к которому принадлежал и Яшин, стойко державших фронт истинной гражданственности, человечности и правды. Чуть ли не все они в той или иной степени тяготели к Твардовскому и его «Новому миру». Эммануил Казакевич, Валентин Овечкин, Вера Панова, Марк Щеглов, Владимир Тендряков, Павел Нилин, Ефим Дорош, Ольга Берггольц, Юрий Домбровский, Евгений Герасимов, Константин Воробьев, Федор Абрамов, Борис Слуцкий, Виталий Семин, Юрий Трифонов, Василий Шукшин... (называю только покойных). Александр Яшин...

Он умер поистине в расцвете сил, на творческом взлете. Уже в 30-е годы Яшин был довольно известный поэт, принесящий в столичную литературу свою лесную и льняную Вологду, свою молодую, веселую ноту. Потом честно, на передовой (Ленинград, Сталинград) прошел войну. Не знаю, как взрослые, а мы, деревенские школьники, году в сорок третьем прямо-таки с упоением читали его стихи (цитирую по памяти первоначальный вариант):

Балтийский танк попал в болото.
Еловая прогнулась гать.
Его бомбили с самолета,
Его немецкая пехота
Под вечер стала окружать...

И вот окружили я, радуясь трофею: вытащили, а он вдруг как рванется да как пойдет, обрывая цепи, сметая огнем и гусеницами растерявшегося врага!.. Во всем этом уже просверкивал какими-то крупными будущий Яшин, как предугадывался он (правда, в меньшей степени) и в стихах первых послевоенных лет, включая поэму «Алена Фомина», которая вместе со званием лауреата принесла ему официальный почет. Тем не менее Яшин своих главных вещей был тогда еще впереди. «Я как будто родился заново», — скажет он в одном из стихотворений конца 50-х годов и свяжет это свое второе рождение не с чем иным, как с тем, что с разной мерой глубины и остроты переживали тогда многие: с обретением духовной самостоятельности, внутренней свободы.

Жизнь при всех ее изменениях,
Мир во всех его измерениях
Для меня теперь по плечу,
Сам за все отвечать хочу.
Так свободны мои движения,
Словно в первый раз от рождения
По своей орбите лечу.

Ах, как это важно — лететь по своей орбите, чувствовать себя свободным, пусть даже только изнутри! Именно за последние десять лет жизни Александр Яшин создал лучшие страницы своей лирики. Их отличает легкость дыхания, ясность и какая-то особенная свежесть во всем: и в пейзаже, где скрипит и искрится снег, и в не придуманной поэтичности сюжетов:

Промыли в окнах стекла
Студеною водой:
Весь мир казался блеклым.
Теперь он молодой.

Бабочка ожила,
Летает у потолка...—

и в живой естественности интонации, и, наконец, в самом стихе, например, в этих «хередах» у Яшина, ломких, как льдинки, дольничках:

Может, свет костра
Мерцает вдали?
Может, звездочка —
Сестра
Нашей земли?

А вместе с тем во многих стихах этого периода — настоящая глубина и сила: отстоявшаяся мысль, острота нравственных коллизий, истинный трагизм любви, одиночества, смерти.

В последние десять с небольшим лет написана и почти вся проза Яшина: несколько повестей, рассказы, циклы ма-

леньких рассказов. В их числе «Сирота», повесть об иждивенце, характерном представителе того нового социального паразитизма, который уже в советских условиях разросся в питательной среде равнодушной и бездумной бюрократической филантропии. И, по отзыву скупого на похвалы Твардовского, «отличный, полный поэзии очерк „Вологодская свадьба“», правдивая, проникнутая большой и тревожной исторической мыслью картина жизни северной деревни в итоге ее тридцати колхозных лет. И опубликованная лишь в этом трехтомнике (хотя перед тем обещавшая не одну редакцию) повесть «Баба Яга» — с болью сострадания и большой художественной силой рассказанная трагическая женская судьба. С каждым новым сборником стихов и почти с каждой новой вещью в прозе талант Яшина представлял все более крупным, богатым и обещающим. Сделано было много, но чуть ли не столько же — задумано, начато, отлеживалось в столе. Подкосила внезапно подкрапываясь болезнь...

А точкой поворота, первым значительным произведением нового Яшина явился рассказ «Рычаги». Об этом небольшом, в несколько страничек, рассказе хочется сказать особо.

Он был опубликован в 1956 году во втором сборнике альманаха «Литературная Москва» и вместе со всем этим сборником (одной из первых ласточек начавшегося обновления литературы) вскоре по его выходе подвергнут... не критике, это слово здесь не подходит, но своего рода идеологической казни. Эхо той грозы не раз отдавалось и при жизни автора и после его смерти, когда уже мало кто помнил реальное содержание рассказа, до самого последнего времени ни разу не переиздававшегося — ни в сборниках прозы Яшина, ни даже в рецензируемом собрании сочинений. Вспоминаю, как в начале 70-х годов один весьма ретивый деятель тогдашнего московского горкома, выступая в институте, где я в то время работал, называл в числе вредных произведений роман (!) Яшина «Рычаги». Рассказа он не читал, но не сомневался в своем праве и обязанности его «уничтожить»...

Между тем если мы сейчас читаем этот рассказ, недавно перепечатанный «Неделей» (1987, № 20), то увидим произведение, чрезвычайно близкое смыслу и направлению того, чем нынче живет страна и что определяется словом «перестройка».

В прокуренной избе колхозного прав-

ления при свете керосиновой лампы сидят четыре человека. С дружеской откровенностью, умно, озабоченно и серьезно говорят о положении дел, о давно наболевшем. Не обходят критикой и секретаря райкома:

«Он думает, что партия авторитет теряет, если он с народом будет разговаривать как человек, по-простому. Ведь знает, что получаем в колхозе по сто граммов на трудодень, а утверждает одно: с каждым годом растет стоимость трудодня и увеличивается благосостояние. Коров в нашем колхозе не стало, а он: с каждым годом растет и крепнет колхозное животноводство. Скажи: мол, живете вы неважно потому-то и потому-то... но будем жить лучше. Скажи, и люди охотнее за работу возьмутся».

Но вот приходит запоздавшая учительница — пятый член колхозной парторганизации, начинается собрание, и те же люди, уподобляясь своему секретарю райкома, словно замораживаются изнутри, отчуждаются от жизни, их окружающей, и от самих себя, говорят казенными фразами то, чего вовсе не думают, но что отвечает некоему установившемуся ритуалу...

Двомыслие и неискренность, пустая и равнодушная исполнительность вместо живой хозяйской заботы об общем — это зло нашей жизни, понятое как естественный результат разрыва между словом и делом, подмены реальной действительности казенно-бюрократической «легендой» о ней, а демократического коллективизма и товарищества — односторонним, сверху вниз, нажимом, едва ли не впервые получило в маленьком рассказе Яшина столь же концентрированное и законченное художественное изображение, сколь и прямую, бескомпромиссную нравственную оценку. А ведь тогда это зло еще далеко не приняло тех поистине угрожающих размеров, как это будет позднее, например, к началу текущего десятилетия. Рассказ прозвучал как предостережение, как сравнительно ранний диагноз той болезни, которую теперь уже намного труднее лечить.

Не на мелкого и не на слабого врага поднял руку Александр Яшин, судьба «Рычагов» послужила тому прямым подтверждением. Нужна была отвага бывшего фронтовика, нужен был тот заряд живой, настоящей идейности, который отличал лучшую часть людей его поколения — поколения общественников и правдолю-

бов. Зато и через тридцать лет, на новом историческом рубеже, его слово понадобилось людям; можно надеяться, понадобится им и впредь.

Теперь собственно о трехтомнике. Он производит двойственное впечатление. За вычетом разве вступительной статьи Ф. Кузнецова, вяловатой, сглаживающей драматизм литературной судьбы Александра Яшина, все, что есть в этом издании, необходимо. Отбор произведений продиктован стремлением, представив лучшее в творческом наследии писателя, вместе с тем показать не только вершины, но и все основные этапы его развития, все существующие для конкретного понимания его пути как художника и гражданина. Выходу собрания сочинений предшествовала большая подготовительная работа. Так в том первый вошла целая книга при жизни не печатавшихся стихотворений Яшина «Границы души» (1982) — одна из лучших его лирических книг. В том второй — повести «Высочка», «Астма», «Единомышленники», ряд рассказов, также увидевших свет только в 70—80-е годы, обогативших творческий облик Яшина-прозаика. Значительная часть произведений публикуется вообще впервые или же разыскана составителями в старых, труднодоступных изданиях. В ряде случаев перед составителями вставали сложные текстологические проблемы. Не только тогда, когда вещь, оставаясь ненапечатанной, существовала в виде рукописи, отражавшей разные этапы работы над нею, но порой и при подготовке опубликованных произведений (например, поэмы «Алена Фомина»), где предстояло очистить текст от напластований, продиктованных в свое время внехудожественными соображениями, удалив вместе с тем исправления, отражавшие подлинную авторскую идею. Высокой оценки заслуживает поневоле излишне сжатый, но тем не менее содержательный и интересный комментарий (составитель собрания сочинений и авторы примечаний: З. К. Яшина и Н. А. Яшина), связывающий воедино факты житейской и творческой биографии поэта, нередко раскрывающий историю создания произведений, обогащающий впечатление от них вариантами, дневниковыми записями, извлеченными из писем и пр. В целом перед нами хороший пример работы, сделанной не холодными руками, с пониманием и любовью.

Что касается упомянутой двойственности впечатления, то она вызвана не тем, что есть в этом издании, а тем, чего в нем нет.

Правда, попадаются некоторые погрешности, например неточность в примечаниях: Сталинская премия за «Алену Фомину» присуждена была Яшину не в 1949, а в 1950 году, хотя и за 1949 год. Не вполне убедительным представляется расположение повестей во втором томе: почему-то нарушен принятый в этом издании хронологический принцип расположения материала, позволяющий в пределах каждого жанрового раздела видеть, как зрел и обогащался талант Яшина — поэта и прозаика.

Но это мелочи. А вот о чем приходится всерьез сожалеть, взяв в руки трехтомник Яшина, так это о его неполноте. Она видна, что называется, невооруженным глазом. Нет, как уже говорилось, «Рычагов», нет ряда других более или менее готовых к печати прозаических произведений писателя, упоминаемых в примечаниях («Стечение обстоятельств», «В гостях у сына»). Критические статьи, заметки и выступления Яшина, его дневники и письма могли бы составить два полновесных тома, а занимают один, да и он в полтора раза тоньше любого из предыдущих. Особенно обидно за два раздела — писем и дневников.

Письма Яшина прекрасны, их нельзя читать без волнения и любви к этому человеку, горячему, прямому, угловато-резкому и — нежному, доверчивому, незащищенно-открытому. В них так сильно звучит гражданская страсть, живое и чистое, чуждое какого бы то ни было оттенка национализма или официальности патриотическое чувство, любовь к литературе, радости и восторг, вызываемые подлинными успехами собратьев по перу — друзей и незнакомых. Историко-познавательное и воспитательное значение таких писем не оценимо. Но как же мала подборка писем! Да и те, что напечатаны, испещрены многоточиями в угловых скобках — знаками редакционных купюр, возникающими, как только перо писателя без дипломатических ухищрений прикасается к болевым точкам времени. А некоторые купюры даже и не обозначены. Сужу по известному мне письму А. Т. Твардовскому (1963) по поводу публикации поэмы «Теркин на том свете», где после слов: «Что это такое?» — выпущены строки: «Почему они пошли на это? Все удивительно, даже ханжеское, лукавое предисловие (речь идет о

предисловии главного редактора «Известий» А. Аджубея к публикации поэмы в этой газете, акцентировавшем в сатире Твардовского «сказочное» начало.— Ю. Б.) не может умалить впечатления и радости. А если это большая игра, то кто кого переиграет! Ха, даже Воронков пошел в ход!» Вероятно, издательство посчитало, что обозначенных купюр слишком много...

Что касается дневников, которые Яшин вел на протяжении большей части своей писательской жизни, то этот исключительно интересный документ эпохи представлен лишь малыми фрагментами (чего отнюдь не показывают редкие купюры); при этом за бортом остались как раз наиболее драматичные и исторически содержательные его части и страницы, в частности все, что относится к истории «Рычагов», и почти все, что относится к истории «Вологодской свадьбы».

Характер этих изъятов ясен. Хотя последний том был сдан в набор в январе 1986 года, в целом на всем издании — зримая печать того «дореформенного» времени, которое к писателям-правдолюбам вроде Яшина относилось, мягко говоря, сдержанно, экономило на них бумагу для многотомников «социально близких», а когда все же издавало, то делало это с явным стремлением постричь писателя по своему образу и подобию, елико возможно освободить его образ в сознании читателя от «диссонирующих» произведений и нот.

Конечно, и настоящий трехтомник — Яшин, притом представленный с небывалой ранее полнотой. А то, что тексты подготовлены и откомментированы людьми, близкими к писателю, знавшими его творческие замыслы, и придает этому изданию дополнительную ценность, — во многих случаях это ценность первоисточника. Вместе с тем из сказанного выше ясна необходимость в самом недалеком будущем расширенного переиздания этого собрания сочинений, тем более что выпущено оно весьма скромным для «Художественной литературы» пятидесятитысячным тиражом. Нет сомнения в том, что неизмеримо шире круг читателей Александра Яшина, талантливого и честного писателя, чье имя достойно уважения, а творчество — долгой жизни в народе.

Ю. БУРТИН.

